

Муштей Надежда Анатольевна

ФЕНОМЕН ВЕЩНОСТИ В АРТ-ПРАКТИКЕ READY-MADE

В статье рассматривается возможность постижения "лирической" сущности простой вещи в выставочном пространстве арт-практики "ready-made". Автор анализирует причины, препятствующие данному процессу. Соответственно выделяются условия реализации познания метафизического смысла повседневной вещи в акте переживания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. I. С. 85-88. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

кадровые возможности лишили земскую медицину возможности решить такие кардинальные вопросы здравоохранения, как организация общедоступной лечебно-профилактической помощи сельскому населению, санитарное благоустройство сельских населенных пунктов. Земские органы пережили длительный и сложный кризис в самых основах своего существования. Но, несмотря на трудности, опыт земской медицины стал одним величайших достижений российской общественной медицины.

Список литературы

1. **Государственный архив Пензенской области** (ГАПО). Ф. 6. Оп. 1.
2. **Савин О. М.** Пенза: очерк-путеводитель. Пенза: Приволжское книжное изд-во (Пензенское отделение), 1978. 197 с.
3. **Тюрин В. А.** Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX-XX веков. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. 202 с.
4. **Ульянов А. Е.** Динамика численности крестьянского населения Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 3. URL: http://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2009_3_55.pdf (дата обращения: 26.07.2011).

**ZEMSTVO MEDICAL UNIT FOUNDATION IN THE 90S OF THE XIXTH CENTURY
(BY THE EXAMPLE OF PENZA PROVINCE)**

Elena Viktorovna Moiko

*Department of Communication Management
Penza State University
moyel@rambler.ru*

The author reveals the reasons of zemstvo medical unit foundation in Penza province at the end of the XIXth century and pays special attention to the historic evidence verifying the necessity of Penza province sanitary bureau development.

Key words and phrases: zemstvo medical unit in Penza province; sanitary and statistical bureau; A. Kholmsky; V. I. Nikolsky.

УДК 130.2

В статье рассматривается возможность постижения «лирической» сущности простой вещи в выставочном пространстве арт-практики “ready-made”. Автор анализирует причины, препятствующие данному процессу. Соответственно выделяются условия реализации познания метафизического смысла повседневной вещи в акте переживания.

Ключевые слова и фразы: вещь; вещьность; реалогия; *ready-made*; простая вещь; пространство экспозиции, лирическая сущность.

Надежда Анатольевна Муштей

Кафедра философии культуры и культурологии

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

lux_spei@mail.ru

ФЕНОМЕН ВЕЩНОСТИ В АРТ-ПРАКТИКЕ *READY-MADE*©

Тема вещи и вещьности в культуре многогранна и всеобъемлюща. Известный культуролог М. Эпштейн предложил даже выделить исследовательскую область вещьности в отдельную науку реологию, изучающую единичные вещи во взаимоотношении с человеком. По его мнению, вещь обладает особой лирической сущностью, которая влечет человека и сживается с ним. «Задача реологии как теоретической дисциплины, – пишет М. Эпштейн, – постичь в вещах их собственный, нефункциональный смысл, не зависящий ни от их товарной стоимости, ни от утилитарного назначения, ни даже от их эстетических достоинств» [17, с. 666].

В начале прошлого века возникло новое авангардное направление в искусстве, формально полностью отвечающее задаче реологии. Таким неклассическим течением стал *ready-made*, названный так его первым представителем М. Дюшаном (его первые и самые эпатажные работы: «Колесо от велосипеда» (1913), «Сушилка для бутылок» (1914), «Фонтан» (1917)).

Ready-made ставил своей целью обратить внимание человека на бытовой предмет и увидеть в нем самоценность и самодостаточность существования в реальности. Эта арт-практика должна была позволить осмыслить значение и сущность вещи в своей простоте. Но, как ни странно, при такой актуальной и интересной миссии как отдельное направление *ready-made* просуществовал очень недолго. Сегодня можно увидеть работы в стиле

ready-made у некоторых современных художников, но это будут единичные произведения в данном стиле. Например, Трейси Эммин «Моя кровать» (1996 г. Матрас, подушки, грязные простыни, бутылки с алкоголем, сигаретные окурки и прочее), Дэмиен Херст «Зимняя колыбельная» (2002 г. Цветные таблетки на стеклянных полках), Джим Ходжес «Никто никогда не уходит» (Куртка, брошенная в угол выставочного зала).

Данная идея и цель художников постмодерна была новой, достаточно перспективной за счет обращения к утилитарно-прагматической вещи как к имеющей самостоятельную ценность. Привлекательность такого художественного акта заключается в том, что вещь предстаёт в первозданном виде и воспринимающий субъект может испытать определенные чувства, не носящие эстетический характер, а сопряженные исключительно с познанием метафизической сущности утилитарного по своим первичным качествам предмета. Художники постмодернисты, обращаясь к простоте и привычности предмета, пытались в контрасте профанности его природы и элитарности экспозиционного пространства высечь искру человеческих чувств.

Теория *ready-made* успешно накладывается на теорию реалогии как метафизики простых вещей. В последней утверждается возможность чувственного переживания и познания простой вещи. Простая вещь – это материальный предмет жизненного пространства человека, онтологическая сущность которого может открыться субъекту в процессе созерцания. При этом необходимым условием является элиминирование любых целей и отношений к данному предмету, исключение его функциональных, нарративных, семиотических, эстетических и иных качеств при восприятии. Метафизика простых вещей заключена в тяге к вещам, не вызванной ее утилитарными, эстетическими и инвестиционными ценностями. Это процесс, при котором знаково-символические характеристики вещи не принимаются во внимание, исключаются из сознания и субъект открывает в вещи нечто существенно важное, исходя только из нее самой. Исследователь феномена вещи в культуре А. С. Лишаев пишет: «Пусть красивая посуда за обеденным столом используется по прямому назначению, пусть она говорит о достатке и эстетическом вкусе хозяев, пусть она указывает на место своего изготовления и проч., и проч., при этом она сохраняет способность привлечь наше внимание сама по себе; более того, во время обеда посуда как раз и раскрывается «по-настоящему» как посуда» [10, с. 15].

Но, несмотря на всю схожесть данных концептов, реального постижения метафизических смыслов вещи в арт-практике *ready-made* не наблюдается. Возникает вопрос, в результате чего воспринимающему субъекту сложно прийти к переживанию экзистенции вещи, вырванной из привычного контекста и помещенной в пространство выставочного зала. Хотя формально данное пространство, специально подготовленное для созерцания произведений искусства, должно способствовать проявлению чувств. Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть разность пространств и контекстов, в которых находится вещь в первом и во втором случае.

Ready-made центром внимания делает вещь, но, чтобы состоялось переживание индивидом чего-то важного и существенного, необходим онтологический диалог, в котором участвуют обе стороны. В арт-практике *ready-made* предмет занят лишь собственной репрезентацией, он эгоистичен и высокомерен в выставочном пространстве. Смотрящий на него – это не созерцающий субъект, а сторонний реципиент, пытающийся рассмотреть в нем что-то. При демонстративном поиске смыслов, при запрограммированности актов познания невозможно пережить вещественность так же, как это возможно в привычном повседневном контексте. Нацеленность на результат прочтения сущности вещи в пространстве экспозиции противопоставлена естественному переживанию ее в жизненном пространстве. Вещь в постмодернистских и авангардистских творческих актах должна вызывать у реципиентов ассоциативные ряды и проявлять самодостаточность своего существования. Цель автора объектов *ready-made* – заставить почувствовать экзистенцию выставленной вещи. Ключевым для нас здесь является слово «заставить».

Момент экзистенциального переживания сущности вещи не прогнозируем, он подобен инсайту, мгновенному проникновению в тайну вещи, в ее имманентные глубины, несмотря на предшествующий этому длительный процесс созерцания. Данное открытие невозможно реализовать в искусственно созданной ситуации восприятия. Достаточно выразительно по этому поводу говорит С. А. Лишаев: «Онтологически простой вещь оказывается внезапно, вдруг, в момент, когда в ней начинает «светиться» Другое, безусловное особенное, то, что мы по праву можем назвать тайной. Невербализуемое Другое, соединенное с той или иной вещью, осеняет вещь высшей простотой и как бы собирает в вещь полноту мира. Онтологически простая вещь «несет в себе» мир. Откровение Другого (в вещах) *ситуативно* и *событийно*. Это то, что с нами случается. Простота — событийна» [Там же, с. 12].

Такому откровению способствует отрешенное созерцание, но оно должно состояться самопроизвольно, безотносительно каких-либо условий. Вещь открывает себя в неподготовленные моменты, в своем привычном пространстве. Помещенная в экспозицию бытовая вещь являет не саму себя, настоящую, а с наслоением того, что хотят в ней увидеть. Старательность взглядывания реципиентов в предмет *ready-made* противостоит простому взгляду, который позволяет почувствовать подлинный смысл вещи. Нарочитая дистанцированность вещи, ее искусственная статусность и претенциозность мешает равноправному диалогу с человеком. Сложность чувственного переживания бытовой вещи может заключаться в том, что современный теоретик искусства Б. Гройс называет репродуцированием *ready-made*: «В действительности метод *ready-made* сам по себе всегда есть копирование или репродуцирование: повседневные вещи удваиваются уже потому, что их выставляют в музейном пространстве. Открытие Дюшана заключалось именно в демонстрации того, что художественное воспроизведение реальности в форме живописи или скульптуры излишне: достаточно представить сам объект в соответствующем контексте, чтобы этот объект воспринимался как художественная копия самого себя» [7, с. 245]. То есть вещь в экспозиции – это дубликат, копия вещи, её репрезентация,

которая вынесена за пределы жизненного пространства. Следовательно, переживание вещи и переживание её двойника-экспоната будут отличаться.

Нужно отметить, что взаимодействие вещи с телесностью также является важным фактором в установлении чувственно-ностальгических отношений с человеком. Категория телесности в постмодернизме – это, прежде всего, телесность во фрейдистском понимании, активность либидозных энергий, реализация сексуальных форм, демонстративность удовлетворения первичных потребностей. Авангардное искусство пронизано идеями именно такой телесности. В случае с метафизическим переживанием вещи речь идет о телесности совершенно другого рода. Это опосредование, помогающее перейти от перцептивных актов к структурам своего сознания. Это чувственное переживание вещи свободное от животного физиологизма, но происходящее посредством связи с телесным. Феноменолог Мерло-Понти в произведении «Феноменология восприятия» пишет: «Мое тело – это общая для всех объектов текстура. Оно является, по меньшей мере, в отношении воспринимаемого мира, общим инструментом моего “понимания”» [14, с. 302]. В пространстве экспозиции вещь дистанцирована от человека, даже если к ней можно физически близко подойти, дотронуться, ощупать. Дело в том, что диалог между вещью и субъектом вероятнее произойдет при отсутствии всяческих внешних конвенций. А связь вещи с телесностью в пространстве экспозиции определена заранее, она прописана в организации и концепции выставки самим художником, заложена в ее программу подобно тому, как алгоритм поведения участников латентно задается в арт-практиках энвайронмента и хеппининга. То есть формально акционизм не имеет заранее прописанного сценария и действие основывается на импровизации зрителей и участников, но если уйти от утвержденных стандартов искусствоведческой интерпретации, то можно увидеть, как акты художника провоцируют ожидаемую реакцию зрителей-участников и направляют ее определенным образом. В данном пространстве индивидуальность воспринимающего субъекта чаще всего нивелируется. Человек, попадая в пространство экспозиции, получает роль усредненного реципиента, вливается в общее зрительское тело, становится частью единого организма толпы. Зачастую в этом случае, индивидуальные чувства субъекта замещаются или смешиваются с обобщенно-шаблонной моделью поведения остальных реципиентов.

Распределение же ролей (экспонат-реципиент) в выставочном пространстве порождает сложность преодоления условных границ между вещью и субъектом, а также устанавливает некую определенность вещи, ее высказанность и завершенность. Напротив, лирическая сущность вещи проявляется в ее неопределенности, многозначности и становлении, которое происходит в процессе ее жизненного цикла при активном участии субъекта, способного открывать в данной вещи новые смыслы и вступать с данной вещью в новые отношения. *Ready-made* не предполагает акта возвращения к вещи именно потому, что воспринимающий субъект получает уже в готовом виде формализованный смысл выставочного объекта.

Результатом эпатажа и скандальности *ready-made* стала трансформация музейного пространства в зону развлекательного и игрового мероприятия, в которой рефлексия собственных актов познания и переживания уступила место оцениванию неординарной личности художника, его художественного вызова и места в искусстве. Возможно, экспонирование простой утилитарной вещи следовало именно данным завуалированным целям.

Так или иначе, можно говорить о возможных условиях, необходимых для проявления «лирической» сущности бытовой вещи:

- 1) непредвиденность момента инсайта;
- 2) сохранение привычного контекста вещи;
- 3) естественность и непосредственность акта восприятия;
- 4) перцептивно-телесная связь вещи с субъектом.

Данные условия с трудом выполняются в рамках пространства экспозиции, и *ready-made* смог реализовать лишь эффект шокирования, неординарности, радикального отказа от меметических принципов классического искусства. Тем не менее, *ready-made* сыграл не последнюю роль в развитии последующих современных арт-практик, таких как дадаизм, энвайронмент, перформанс, хэппенинг, поп-арт, абстрактный экспрессионизм и концептуальное искусство.

Список литературы

1. Анненкова Л. «Реалогия» и смысл вещи // Декоративное искусство. 1986. № 10. С. 41-44.
2. Бенаму-Юэ Ж. Цена искусства. М.: Артмедиа групп, 2008. 158 с.
3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе. М.: Медиум, 1996.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв.: в 3-х т. / пер. с фр. Л. Е. Куббеля. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 623 с.
6. Бычков В. В. Эстетика: учебник. М.: Гардарики, 2004. 556 с.
7. Гройс Б. Фиктивные реди-мэйды Фишли и Вайса // Гройс Б. Комментарии к искусству. М.: Художественный журнал, 2003. 344 с.
8. Дери М. Скорость убегающего: киберкультура на рубеже веков. М.: АСТ Москва, 2008. 478 с.
9. Качераускас Т. Вещь в искусстве постмодернизма: феноменологическая перспектива // ТОПОС. 2007. № 1 (15). С. 16-25.

10. Лишаев С. А. Метафизика простых вещей // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2008. № 1. С. 10-21.
11. Лишаев С. А. Феноменология уютного (к эстетической характеристике дома и домашних вещей) // *Mixtura verborum* 2004: пространство симпозиона: сб. статей / под общ. ред. С. А. Лишаева. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2004. С. 61-96.
12. Марьон Ж.-Л. Перекрестья видимого. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 176 с.
13. Мерло-Понти М. М. Око и дух / пер. с фр., предисл. и коммент. А. В. Густыря. М.: Искусство, 1992. 63 с.
14. Мерло-Понти М. М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 605 с.
15. Разинов Ю. А. *Dasein* вещей, или о чем может поведать трубка // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2008. № 1. С. 49-63.
16. Ривош Я. Н. Время и вещи: иллюстрированное описание костюмов и аксессуаров в России конца XIX – начала XX в. М.: Искусство, 1990. 304 с.
17. Эпштейн М. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.
18. Эпштейн М. Реалогия – наука о вещах // Декоративное искусство. 1985. № 6. С. 21-22.

THINGNESS PHENOMENON IN *READY-MADE* ART PRACTICE

Nadezhda Anatol'evna Mushtei

*Department of Culture Philosophy and Culturology
Saratov State University named after N. G. Chernyshevskii
lux_spei@mail.ru*

The author considers the comprehension possibility of a simple thing “lyrical” essentiality in the exhibition space of “ready-made” art practice, analyzes the obstacles to this process and singles out the conditions of the realization of ordinary thing metaphysical sense cognition in experience act.

Key words and phrases: thing; thingness; rheology; *ready-made*; simple thing; exhibition space, lyrical essentiality.

УДК 327

Статья раскрывает основные подходы к обеспечению безопасности в контексте контроля и ограничения ядерного вооружения. Особый акцент делается на анализе договорной базы российско-американских отношений в отношении ограничения вооружений. Приводится оценка отношения РФ и США к последнему Договору о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3).

Ключевые слова и фразы: безопасность; ограничение вооружений; ядерные вооружения; СНВ; ПРО.

Илья Олегович Николаев

*Кафедра международных отношений
Северо-Западная академия государственной службы
nikolaev.jr@gmail.com*

КОНТРОЛЬ И ОГРАНИЧЕНИЕ ЯДЕРНОГО ВООРУЖЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ РФ – США©

Становление и развитие человеческого общества всегда было связано с преодолением различных угроз, источниками которых были природа, враги, технические объекты и т.д. В этой связи самым главным условием функционирования человеческого общества стало обеспечение его безопасности.

Вопросы обеспечения национальной и международной безопасности, выработки концепции и стратегии национальной безопасности во всех странах являются предметом самого пристального внимания со стороны политиков, военных, а также академических кругов. Подобное внимание к вопросам безопасности вполне естественно, так как они затрагивает наиболее важные стороны жизнедеятельности человека, общества и государства.

Идея безопасности возникла как естественная реакция на мир, который насквозь пропитан насилием. В таком мире безопасность на деле означала не более чем лишний шанс на то, чтобы не подвергнуться нападению в числе первых. В той или иной форме война, нападение настигали практически всех. Когда подобное происходило, решающим фактором становилась способность дать физический отпор в схватке.

В теории международных отношений в настоящее время насчитывается много различных подходов к проблеме безопасности. Рассмотрим кратко некоторые из них.

Необходимо отметить, что идеи безопасности тесным образом связаны с национальной безопасностью, что свойственно для представителей классической реалистической теории международных отношений. Понятие «национальная безопасность» изначально появляется в США, когда президент этой страны